

причиной другой — это прибегнуть к опыту и рассуждать в терминах присутствия и отсутствия. Оккам особенно настаивает на этом положении: «quod aliquod creatum sit determinate causa efficiens, non potest demonstrari vel probari, sed solum per experientiam patet hoc, scilicet quod ad ejus praesentiam sequitur effectus, et ad ejus absentiam non»*. Помимо прочего, отсюда немедленно следуют отрицание интенциональных видов и та подозрительность, с которой Оккам относился к классическим доказательствам существования Бога.

Рассмотрим вначале следствие подобной позиции для теории познания. В учениях типа томистского наука имеет дело с общим, следовательно, необходимо, чтобы концепция универсалий, с которыми связано данное учение, признала за универсалией некоторую реальность и, кроме того, необходимо, чтобы она снабдила человека некоторым инструментом для овладения этой реальностью. Но точка зрения, которой придерживается Оккам, прежде всего предполагает постижение не науки об общем, а об очевидности особенного. Чтобы отвратить разум от приписывания абстрактному значения собственно объекта, необходимо установить, что общее не существует в действительности, и придать человеческому разумению способности, необходимые и достаточные, чтобы оно было способно схватить особенное.

Прежде всего отметим, что нет ничего реального, кроме отдельного, или, как говорил Оккам, субстанции суть только отдельные вещи и их свойства. Универсальное существует в душе познающего субъекта — и только там. Нам предстоит выяснить, в какой мере можно считать его существующим в мысли, но нужно считать установленным тот факт, что вне мысли нет существования в каком бы то ни было виде: «omnis res positiva extra animam eo ipso est singularis»**. Именно в такой форме выдвигали этот тезис до Оккама, на протяжении всего XII столетия. Впрочем, считалось общепринятым, что так мыслил и Аристотель: его классическое разделение первых субстанций, или единственно реальных индивидов, и вторых субстанций, то есть абстрактных понятий о первых, имеет точно такой же смысл. Но позицию Оккама характеризует то, что он, как представляется, считается первым, не признававшим за универсальным никакого реального существования. Его, следовательно, полагают первым, желающим не просто сделать это, а преуспеть в своих идеях.

В самом деле, в каком бы смысле ни воспринимать универсальное, реализованное в вещах, приходишь к одной и той же нелепости: либо это универсальное единично, и тогда не понятно, как оно может быть расчленено на части и размножено в вещах; либо оно приумножается вместе с отдельными вещами, но тогда еще более непонятно, как оно может быть единичным. Оккам гнал эту химеру реализованного универсального во всех формах, какие она способна принять, — даже у некоторых из тех мыслителей, которых порой считают номиналистами (например, у Генриха из Харклея), но самый большой интерес вызывают его усилия, направленные против реализма Дунса Скота. Этот философ приписывал универсальному некоторое единство — единство сущности, или общей природы в духе Авиценны, достаточное для объяснения степени единства видов и родов, но уступающее нумерическому единству отдельных вещей. По Дунсу

487

3. Уильям Оккам

Скоту, единство универсального — это единство некой группы, основанное одновременно на сообщности и на каждом из индивидов, которые составляют эту сообщность. Оккам решительно отвергал такой компромисс: для него существовало только нумерическое